

A black and white portrait of a middle-aged man with dark hair, looking thoughtfully to the right. He is resting his chin on his right hand. He is wearing a light-colored collared shirt under a dark jacket. The background is dark and out of focus.

ОЛЕГ
ПОПЦОВ

ЖИЗНЬ
ВОПРЕКИ

Олег Максимович Попцов

Жизнь вопреки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38564847

О. М. Попцов. Жизнь вопреки: ООО «ТД Алгоритм»; Москва; 2018

ISBN 978-5-907028-34-0

Аннотация

«Сейчас, когда мне за 80 лет, разглядывая карту Европы, я вдруг понял кое-что важное про далекие, но запоминающиеся годы XX века, из которых более 50 лет я жил в государстве, которое называлось Советский Союз. Еще тогда я побывал во всех без исключения странах Старого Света, плюс к этому – в Америке, Мексике, Канаде и на Кубе. Где-то – в составе партийных делегаций, где-то – в составе делегации ЦК ВЛКСМ как руководитель. В моем возрасте ясно осознаешь, что жизнь получилась интересной, а благодаря политике, которую постигал – еще и сложной, многомерной. Я видел, как строилась Берлинская стена, был свидетелем событий в Чехословакии и Венгрии. В Америке мы оказались в день и час совершения покушения на Джона Кеннеди. Так и хочется сказать: даже не верится, что это была моя жизнь! Но ведь это не итог; уже в «новое время» я создал российское радио и телевидение...», – так рассуждает автор Олег Попцов, которого читатели хорошо знают и как экс-председателя Всероссийской государственной

телерадиокомпании (ВГТРК), и как автора книг «Хроника времен „царя Бориса“», «Тревожные сны царской свиты», «Аншлаг в Кремле. Свободных президентских мест нет» и др.

Содержание

В моей жизни уместилось несколько эпох...	6
Упрямая биография	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Олег Попцов

Жизнь вопреки

© Попцов О. М., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Эту книгу, «Жизнь вопреки», я посвящаю Инне Владимировне Данилевич, моей жене. Всю эту жизнь, прожитую вопреки, она была рядом со мной. Она художник-оформитель моих книг и, в этом смысле, их соавтор.

В моей жизни уместилось несколько эпох...

Почему я назвал эту книгу именно так? Название воспринимается скорее как вызов, а преувеличивать свою известность – это не мой стиль. Да и зачем? Рекламу сделает не название, а фамилия автора, и тогда это сочетание «Жизнь вопреки» книги Олега Попцова даёт нужный эффект. Самое опасное в жизни – это иллюзии. Никогда не погружайтесь в этот мир. Ибо в нём вы обретаёте неизлечимую жизненную слепоту. Прекрасный афоризм – «Надежда умирает последней».

Увы, не всегда так. Надежда, долго не получавшая своего воплощения, изнашивается, как неустойчивая одежда, и тогда уже нечему умирать.

Начав писать эту книгу, я понял – память даёт сбои. Как писатель, я, конечно же, что-то допридумаю, но не хочется. Сила прошлого в излучении запаха реальности, в его узнаваемости. Естественно, это доступно не всем, а только тем, кто пережил это прошлое. И тут главный вопрос: когда мне начать писать книгу жизни?

Если в 50, то узнающих в прочитанном своё время более чем достаточно. А когда ты сел за письменный стол после собственного восьмидесятилетия, то твои воспоминания

могут попросту уткнуться в пустоту. «Иных уж нет, а те далече». И ответное эхо окажется слабоголым, если вообще оно будет. А может быть, все эти туманные размышления ни к чему. Как-то в одной дружественной компании я сказал: «Я прожил интересную жизнь, в ней уместились несколько эпох. Порой мне самому не верится, что это была моя жизнь».

«Так напишите об этом!» – едва ли не хором откликнулись на мои слова несколько близких друзей. Бесспорно, я об этом думал сам, но такая реакция, в общем-то, случайной компании меня словно толкнула в спину. «Садись и пиши».

Меня никогда не покидало ощущение, что моя жизнь складывалась как бы вопреки. Движение по жизненной лестнице снизу-вверх естественно, оно рождает здравость восприятия перспективы. У меня такая лестница жизни тоже была, но она всякий раз появлялась в неожиданном месте.

Всё началось после окончания школы. Я, естественно, решил поступить в институт. В общем, с детских лет у меня было два увлечения: лес и море. И море в этих привязанностях брало верх. И я принимаю решение поступить в военно-мореходное училище. Говорил о своём решении матери: она видела мою судьбу иной, она хотела, чтобы я стал историком, иначе говоря, продолжил её путь. Но, почувствовав моё нежелание, спорить не стала. Я собрал документы, взглянул на часы, почувствовал, что опаздываю, и помчался на трамвайную остановку. Спустя минут тридцать-сорок

я понял, что еду не туда. Это случилось в тот момент, когда трамвай свернул на Лесной проспект. Мореходка была совсем в другом месте.

Дело в том, что когда я сел в трамвай, то занял свободное место, зная, что буду долго ехать, устроился поудобнее и стал читать книгу рассказов Зощенко. В спешке я выскочил из вагона и стал расспрашивать, как проехать в мореходное училище. Пожилой вальяжный мужчина с аккуратными усами проявил ко мне интерес и внимательно выслушал меня. Относительно мореходки он меня спросил:

– Вы там учитесь?

– Если бы я там учился, я не мог бы заблудиться. Я собираюсь туда поступать.

– Ну что же, говоря морским языком, – начал респектабельный мужчина, сохраняя улыбку на лице, – вы отклонились от курса как минимум на двадцать миль. Вам придётся вернуться назад и от Литейного моста начать новый маршрут.

В мореходку я уже безнадёжно опоздал и задал моему собеседнику неожиданный вопрос:

– А здесь поблизости какие институты находятся?

Брови моего интеллектуального собеседника вопросительно поднялись:

– Вот как! Ну что ж, могу вам предложить Политехнический институт. На этом же самом трамвае направо, три остановки. Назад две остановки – педагогический институт. А

прямо перед вами лесопарк, внутри которого располагается Лесотехническая академия, созданная при Екатерине. Так что выбирайте, господин Мореход.

Эти слова запомнились на всю жизнь. В ответ я засмеялся. – Спасибо за приглашение. Чему быть, того не миновать.

Между морем и лесом судьба выбрала лес. Уже оказавшись в лесопарке, я трижды перекрестился и пошёл по указанной дороге. Так я оказался в Лесотехнической академии, куда и поступил. На лесохозяйственном факультете моя будущая профессия описывалась как «учёный лесовод», потом аттестация претерпела коррекцию – инженер лесного хозяйства. Программа обучения была полностью перевёрстана в сторону инженерии. Так я оказался в Лесотехнической академии. Сдал экзамены: две пятёрки и две четверки. Итог – приняли. Вторым высшим учебным заведением в России после питерского университета была именно Лесная академия, созданная Екатериной. Предки были мудры. В те времена не существовало ни нефти, ни газа, ни угля. И было чёткое понимание, что главным богатством являются земля и лес. Существовал даже Российский лесной корпус, устав которого позволял лесничим иметь особый вид оружия (который впоследствии был назван охотничьим) для охраны леса, как и своей самозащиты.

Поначалу я учился так себе. И в конце первого года обучения меня едва не отчислили за прогулы и несданные зачёты. Сказалась дворовая биография, которая сформировала

во мне чувство независимости и свободы.

В этом относительно замкнутом дворовом мире я был одним из лидеров. По натуре я слыл выдумщиком, создал футбольную команду, стал её капитаном. Мир городской «шпаны», а наш двор был частью этого мира, жил по своим законам. Наш дом значился под номером одиннадцать на Моховой улице. Самый центр города, напротив – проходной двор с выходом на Литейный проспект; по сути, громадный жилой массив, всё рядом: Летний сад, Марсово поле, Дворцовая площадь, Михайловский замок, Зимний Дворец. Ну и, конечно же, Невский проспект сравнительно недалеко, и набережная Невы, и набережная реки Фонтанка. Так что захватило нас по полной.

Воспоминания того времени. Нам по 10–11 лет. Последний год войны. Она вроде уже далеко, а всё равно дымится в разрушенных обстрелах и бомбардировках домах. Дыма вроде нет, а запах остался, и развалины домов его издают. «Пацанва» бродит по этим развалинам и непонятно чего ищет. Однако, находит. Я тоже среди бродящих и тоже с находкой. В руке разноцветный не то большой патрон, не то маленький снаряд. Красивый, блестящий. «Айда домой!» – говорю пацанам. И мы, обрадованные находкой, возвращаемся на Моховую к моим сверстникам. Они живут в угловом доме на пересечении улицы... и Моховой. Мой дом № 11 дальше. У них дом № 14. «Есть идея, – предложил я. – Патрон похож на сигнальный». Сказал, по сути, глупость, но

хотел удивить. Предлагаю сделать пуск в квартире – она не коммунальная, громадная кафельная печь с лепниной. Дом постройки царских времен. Этаж первый, потолок высокий, тоже с лепниной. Отец одного из пацанов – директор завода. Это его квартира.

Берём пару сухих поленьев, они сложены тут же, и раскалываю их на щепки. Щепки выкладываю в виде ёлочки вокруг патрона, стоящего в центре. Печь большая, патрон направлен в дымоход. Рассаживаемся вокруг, оставляем дверцу печи открытой, чтобы видеть, как пуля полетит в дымоход, и поджигаем.

Через несколько минут раздаётся взрыв. Всё остальное не помню. Патрон, или маленький снаряд, оказался осколочным. Прихожу в себя и понимаю, что я весь в крови. Потом выяснилось, что меня разрешетило осколками, их было двенадцать, может быть, и больше. Бинтов не было, разрезали простынь и стали меня перевязывать. Печь почти не пострадала, лопнула одна кафельная плитка. Ещё одного из пацанов задело двумя осколками, но это были скользящие раны, в тело они не проникли, а валялись тут же у печи. Владелец квартиры Миша, фамилии не помню, боялся возвращения отца с работы. Я этого боялся больше, чем он. Меня перебинтовали, как могли, и, подождав наступления темноты, отволокли домой. Раны обработали йодом, он, слава богу, оказался в квартире, а затем Миша спустился в аптеку и купил ещё два флакона. Пацаны подпирали меня с двух сторон. Ид-

ти было невыносимо больно, пять осколков достались ногам. Они доволокли меня до моего дома, подняли на пятый этаж и уложили на диван в большой комнате. Всё это сделали без шума, чтобы не привлекать внимания соседей. Мне ничего не оставалось, как ждать мать. Она возвращалась поздно с работы. Ребята посидели со мной ещё часа полтора, потом ушли. Я сам попросил их об этом.

Сестра к тому времени уже жила отдельно от нас, и мне ничего не оставалось, кроме как ждать возвращения матери.

Когда она появилась, был уже поздний вечер. Открыв дверь, она увидела меня окровавленного и распластавшегося на диване и тотчас упала в обморок. Я сам находился в полусознательном состоянии, однако подполз к матери и стал её подталкивать. Мать очнулась. Что она говорила – я не помню. Да и говорить у неё не было сил – она шептала. Потом приехала скорая помощь, и меня отвезли в Свердловскую больницу, больница считалась хорошей. Мать работала в горкоме партии. Операцию по извлечению осколков мне сделали рано утром, под местным наркозом. Почему я так говорю, потому что запомнил одну деталь.

Извлечённые осколки хирург захватывал пинцетом и бросал в эмалированную ванночку. Я слышал, как они звякали, и считал. Один, два, три... после каждого звяканья, наверное, проходило минут пять, а может, и больше. Помню, как пересилив шёпот, я произнёс «одиннадцать». Хирург повернул голову и улыбнулся мне.

Я никому это не рассказывал. С пацанами договорились, что всё произошло во дворе. Мы сжигали мусор, там оказался этот патрон. Кольке, которого задели два осколка, операция не понадобилась. Вот и вся история.

Один осколок остался во мне на всю жизнь, рану обрабатывали. «Так будет лучше, – сказал врач. – Глубоко сидит, есть опасность повредить нервные ткани».

Это уже потом рассказывала моя врач, провожая меня из больницы. За мной приехала мама. Помню прощальные слова врача: «А ты везунчик, Олег».

Чем ещё запомнилось детство? Драками. Дрались много и часто. Двор на двор. Улица на улицу. Делили территорию влияния. Странно, но именно эти драки стали школой жизни. Запомнил одно правило: «Если ввязался в драку, не вздумай бежать. Никогда не дерись со всеми, выбери одного, вцепись в него и метель до конца. Пока он не дрогнет и не победит – но не бросайся за ним вдогонку. Это не нужно. Ты уже победил. Противник дрогнул – за ним побегут остальные».

Прошлое очень далеко, и возвращаться к нему – это не только испытание памяти, это обретение потерянного лица. Только вот вопрос: когда вы его находите и возвращаете, спустя столько лет оно оказывается никому не нужным и всеми забытым. Ну а редактировать собственную память – занятие неблагодарное.

Когда я создал ВГТРК, а сокращенно РТР, это был 1990 год. Эпоха политического хаоса, не стыкующегося абсурда,

вошедшего в историю как «лихие девяностые». России предстояло понять: какую свободу, какую демократию она обрела. И что такое капитализм, который якобы теперь среда нашего существования? И как нам следует жить в среде, которая на протяжении семидесяти лет социализма числилась врагом и была предана проклятью?

Мало сказать, что это было непросто. Ничто ни с чем не стыковалось, вся и всё находились в свободном плавании. Именно тогда меня пригласил Б. Н. Ельцин и сделал мне очередное предложение. Оно было пятым по счёту. В ту пору я был депутатом Верховного совета и членом комитета по СМИ.

Сначала о первых четырёх. Мне было предложено стать министром печати – я отказался, затем министром культуры – я снова отказался. Затем стать пресс-секретарём Ельцина, но с расширенными полномочиями – осуществлять контроль за всеми СМИ: телевидение, радио, иначе говоря, объединить их вокруг президента; я тоже отказался. Во время одной из таких бесед появился вице-президент Руцкой и сказал:

– Вот мы ищем министра иностранных дел, а он, Борис Николаевич, сидит перед вами.

Я среагировал мгновенно:

– Остановись, Саша. Я не могу быть министром иностранных дел. Я не знаю английского языка.

И тут вмешался Ельцин:

– Но вы же его изучите.

– Бесспорно, изучу, но на это нужно время.

Короче, я отказался. А потом случилось то, что случилось. В парламенте, на заседании комитета по СМИ, я выступил с докладом: «Деятельность СМИ в новых условиях». Распался СССР, наступило время новой России, как независимого государства. По какой модели должны действовать и развиваться средства массовой информации, числившиеся ранее как СМИ Советского Союза? Естественно, главной темой доклада была судьба телевидения и радио в новых условиях.

Время Гостелерадио кончилось. Россия должна иметь своё, независимое, телевидение и радио. Я думаю, что такой структурой должна стать Всероссийская государственная телерадиокомпания, проще говоря, радио и телевидение России. Самостоятельная независимая компания. Сокращённый логотип нового образования – РТР. Мы входим в другую эпоху – эпоху открытой конкуренции свободных и независимых средств массовой информации. Они могут быть государственными и частными. Таким образом, материализуется понятие «свобода слова» и главное требование нового времени – открытая конкуренция. Так я сам угодил в ловушку. Меня на этой идее поймали! И Михаил Полторанин вместе с Беллой Курковой, она тоже была депутатом, оказавшись в кабинете Бориса Ельцина, предложили мою кандидатуру на пост руководителя несуществующей Всерос-

сийской компании радио и телевидения. Спустя день или два меня пригласил Ельцин и сделал мне это предложение. Для меня это было полной неожиданностью, и я уже привычно начал отказываться. И в ответ Ельцин произнёс фразу, которая была, по сути, нокаутом.

Представьте на секунду Бориса Ельцина, его рост. Он подымается из-за стола и задаёт вопрос:

– Вы что, вообще не хотите нам помочь?

Одномоментно все пути к отступлению были отрезаны. И мне пришлось, как говорится, сдать оружие и согласиться.

К чему это отступление? Дело в том, что жизнь в тот момент была буквально перенасыщена политикой. Создавалось новое политическое мышление, младореформаторская эпоха. О деталях создания нового телевидения я расскажу позже. Но о роли политики в создании телекомпании буквально несколько фраз.

В ВГТРК я оказался на перекрёстке политических столкновений между президентом страны и парламентом, который возглавлял Хасбулатов. Его приход в высшие эшелоны власти – особая история. О ней чуть позже.

И тем не менее, в компании образовалось два лагеря: одни пытались избежать политики, а в другой объединились те, кто занимался общественно-политическим и информационным вещанием. Они постоянно находились на передовой этого фронта.

Те, кто не хотел заниматься политикой, испытывали страх

и всё время упрекали меня, что я их втягиваю в политику. Лидером этих настроений был мой первый зам Анатолий Лысенко, генеральный директор компании. Я был её председателем.

Я объяснял коллегам, что не я кого-то втягиваю в политику, а политика буквально вцепилась в меня и не даёт мне, а значит, компании сделать хотя бы шаг в сторону. Более того, общественные и информационные программы курировал я. Удалось создать неплохую команду, и все информационные программы, как и общественно-политические, вызывали громадный интерес у зрителей и имели хорошие рейтинги.

Здесь можно пока поставить точку и вернуться к тому моменту, когда политика посягнула на мою личность и втянула меня в коридоры этого мира. Всё, разумеется, случилось в советские времена.

Я учился в Лесотехнической академии имени С. М. Кирова. Сказать, что я был безукоризненным студентом, нельзя. Дворовое воспитание сказалось. Как-никак, 12 приводов в милицию – по-своему послужной список школьного и дворового бытия. По итогам первого институтского полугодия – пять несданных зачётов. Пригрозили отчислением. Мать, разумеется, ничего этого не знала. Я очень любил мать и восхищался её благородством, мужеством, но и, конечно же, её красотой. Для меня не было большей беды, чем доставить ей боль. И окажись я отчисленным из академии, мать бы это-

го не перенесла. Я как бы самомотилизовался и ухитрился сдать в оставшуюся неделю все зачёты. Я приезжал к преподавателям даже ночью. Это шокировало преподавателей. Их возмущение было скорее бытовым, они уже ложились спать, но все зачёты у меня приняли. И я был вычеркнут из списка подлежащих отчислению. И на вопрос матери: «Как дела в академии?» – мой ответ: «Всё нормально» был эхом пережитого отчаяния и унижения числить себя последним запрыгнувшим в уходящий поезд и с трудом нашедшим свободное место в вагоне.

По своей натуре я был лидером. Не отличником, нет. Учёба в определённом смысле угнетала меня. Надо было всё время делать то, что надо, а не то, что я хотел. Поэтому поиск свободного пространства, где можно проявить себя, продолжился, и я его нашёл. Этим пространством было творчество вне норм обязательности.

Я создал первую в академии сатирическую газету. С нами соседствовал факультет ГЗС – городского зелёного строительства. И владение навыком рисунка было частью их профессии. Удалось создать прекрасную команду карикатуристов.

Газету называли «Сачок». В студенческой жизни термин известный и даже хулиганский. И как говорят в подобных случаях – поезд тронулся, дело пошло. Я на этом не упокоился, и с моим другом Борисом Таллером мы решили создать сатирические газеты на всех факультетах, а их было семь.

Идею приняли на «ура». Так появились «Сучкорезка» на лесоинженерном факультете, «Ревизор» на экономическом, «Пила» на факультете обработки древесины, «Химчистка» на химико-технологическом. И с этого момента День советской печати 5 мая стал главным праздником в академии. Для этого праздника мы с Борисом Таллером писали сатирическое шоу, в котором выступали в качестве ведущих. Всё проходило в актовом зале, вмещавшем 5 тысяч мест. Академия была в числе самых крупных вузов Ленинграда. Нас уже было трудно остановить. И я создал обще-академическую сатирическую газету и назвал ее «Баней».

И чтобы поставить точку в рассуждении «найти себя» – последний сюжет. У нас с Борисом Таллером появилась идея – одну из глав нашего майского шоу посвятить «комсомольскому патрулю», который в академии возглавлял некий Борисенко, который очень напоминал Гитлера, он и стригся очень похоже.

Я вырос в театральной семье. Моя мать была актрисой МХАТа, в состав которого была принята Станиславским. Её первым спектаклем во МХАТе была «Синяя птица». Я часто ходил в театр. В Ленинграде моими любимыми театрами были театр Товстоногова и театр Акимова. Акимов сам был художником, и оформление его спектаклей всегда оказывалось сверхнеожиданным, и под влиянием одной акимовской постановки я воспользовался её оформлением и сделал нечто подобное. На сцене – заседание комсомольского пат-

руля: длинный стол, покрытый зелёным сукном, помещённый под углом снизу-вверх, напротив каждого стула в столе было два отверстия: для головы и правой руки. Место Борисенко было в торце стола. Там стояло кресло, а над ним висел портрет Дзержинского, под которым был размещён плакат со словами Дзержинского: «У чекиста должен быть холодный разум, горячее сердце и чистые руки». Чуть ниже висел умывальник и два чистых полотенца.

Когда открылся занавес, зал взорвался от смеха и аплодисментов, которые не затихали продолжительное время. На следующее утро меня вызвали в партком и объявили выговор. Ко всему прочему, я сотрудничал с академической газетой и примерно в то же время опубликовал фельетон, который назывался «Грешники». Герои фельетона отмечали восхождение и в конце дня решили выпить. Фельетон кончался такими словами: «И выпили они крепкую, как советская власть, и прозрачную, как слеза богоматери». За это я получил очередной партийный выговор. Человек сродни загадочному растению, которое не обязательно вызревает там, где его посеяли.

Тем не менее учёба продолжалась, её оценочный ряд стал совсем другим. Появились семестры, в течение которых я получал повышенную стипендию за высокую успеваемость. Однако именно сатирические стенные газеты сделали меня популярным и узнаваемым в академии человеком, что, в конце концов, и сотворило моё непредсказуемое будущее.

Оставалось два года до защиты диплома, я был направлен на практику в Краснодарский край, в Тихорецкий лесхоз в Ново-Покровское лесничество.

Я писал диплом по полезащитному лесоразведению. Всё складывалось хорошо, и меня буквально захватила эта работа. Тем не менее я остался верен себе: в местном клубе создал театральный кружок и стал репетировать один из рассказов Зощенко. Дело в том, что меня вызвал директор лесхоза и предложил мне место его заместителя, предлагая защитить диплом экстерном. «А почему бы и нет?» – подумал я, хотя никакого согласия я никому не давал. А директору ответил, что диплом экстерном защищать не буду и положенное время в академии доучусь, а после защиты диплома готов приехать. Мой ответ у директора не вызвал разочарования, мне показалось, что он остался даже доволен.

Вообще эта затея отдавала авантюризмом. Через месяц мне надо возвращаться в Ленинград. А затея со спектаклем в месяц не уложится, но директору клуба она понравилась.

А вот тут происходит невероятное. В лесничество звонит ректор академии и, слегка повысив голос, требует от меня, чтоб я немедленно приехал в академию, при этом ничего не объясняя. На мой вопрос: «зачем? почему?» ответил загадочно:

– Это не телефонный разговор, приезжай немедленно, мы тебя ждём.

Кто такие «мы» – ректор не объяснил. Я сообщил о звонке

ректора директору лесхоза.

– А в чём дело? – спросил директор.

– Я не знаю. Попросил разъяснить, ответили: приедете – всё узнаете.

– Во как... Ладно, собирай чемоданы, но обязательно возвращайся.

Вернулся в Ленинград во второй половине дня, заехал домой, оставил вещи, чемодан разбирать не стал. Мало ли что там задумали. Надел костюм. Посмотрел на себя в зеркало – остался доволен. Респектабельности очевидно прибавилось. Перекрестился перед зеркалом, так, на всякий случай, и поехал в академию. Предварительно позвонил в приёмную ректора. Трубку взяла секретарша Вера Петровна. Сказал, что приехал срочно по вызову ректора. Вопрос: на какое время назначена встреча, я уже в Ленинграде. «Минуточку», – ответила Вера Петровна. Спустя три минуты я снова услышал знакомый голос. «Всё нормально, – сказала Вера Петровна. – У вас есть час времени. Приезжайте, вас ждут».

И я приехал. В кабинете ректора меня ждали Зарубин – секретарь парткома академии, сам ректор Петр Андреевич Никитин и ещё какой-то мужчина лет сорока пяти с рыжеволосой ухоженной причёской. В ходе разговора меня познакомили – это был секретарь райкома партии. Фамилию не припомню. Разговор начал Зарубин:

– Олег Максимович, мы тут посоветовались и решили вам сделать предложение – избрать вас секретарём комитета

комсомола академии.

Предложение меня в буквальном смысле ошарашило.

– Какой секретарь комитета комсомола, зачем? Мне надо защитить диплом и вернуться в Тихорецкий лесхоз.

Зарубин изложил суть идеи. Присутствующие ждали моей реакции. Я начал осторожно:

– Я не уверен, что это следует делать. Мне надо защитить диплом, осталось полтора года.

– А кто вам мешает? Защитите, – очень спокойно включился в разговор ректор. – Может, чуть позже, но без диплома вы не останетесь.

– Я признателен вам за доверие, но...

Третий участник встречи словно ждал этой фразы, включился в разговор:

– Товарищ Попцов, вы член партии?

Я кивнул.

– И, как я понимаю, вы вступили в её ряды осознанно.

Я снова согласно кивнул.

– Так вот, это предложение делает вам партия.

Далее дискутировать было бессмысленно. Конференция должна была состояться в сентябре. Оставалось чуть больше месяца. Меня, естественно, избрали. Вот так я угодил в сети политики.

Мой предшественник на посту секретаря комитета комсомола, Юра Сайгоченко, оставив свой пост, защитился через полгода и оказался в лаборатории химико-технологического

института. В этом же институте он защитил кандидатскую диссертацию. Как говорят – чему быть, тому не миновать, – это решает Всевышний. Отсюда и слова: «Судьбу не выбирают». Она выбирает тебя.

На посту секретаря комитета комсомола академии я был успешен. Комсомольская организация академии очень скоро оказалась в числе самых крупных среди институтских организаций, её численность составляла более 5 тысяч. Я стал членом обкома комсомола, защитил диплом, разумеется, с опозданием, но защитил на «отлично». После защиты мой руководитель Игорь Петрович подошёл ко мне и сказал:

– Ещё два месяца – и готовая кандидатская диссертация.

Эти слова я запомнил на всю жизнь. Работа была посвящена проблемам полезащитного лесоразведения, однако не случилось.

Неожиданно меня пригласили в обком комсомола на беседу с первым секретарём В. А. Саюшевым. Я в состоянии озадаченной растерянности поехал на эту встречу. Это случилось после очередного пленума обкома комсомола, на котором я выступал.

Саюшев расспрашивал меня о комсомольской организации академии, о проблемах, которые приходится решать. Но после очередного звонка неожиданно встал и сказал:

– Вам пора переходить на работу в обком комсомола. В следующий понедельник приезжайте на заседание бюро обкома комсомола.

Я ответил, что это вряд ли получится, так как я недавно защитил диплом и направляюсь на работу в Тихорецкий лесхоз Краснодарского края.

– Не волнуйтесь, – сказал Саюшев. – Мы это уладим. В понедельник в 10 часов вы должны быть на заседании секретариата обкома комсомола.

На заседании секретариата мне объявили, что я переведён в аппарат обкома комсомола на должность инструктора студенческого отдела. Заведующим отделом был Лев Горчаков. Очередная отчётная комсомольская конференция в академии должна была состояться в сентябре. Моё новое назначение меня застало врасплох, я уже фундаментально подготовился к отъезду в Краснодарский край и даже созвонился с директором лесхоза, где проходил практику. Он обрадовался моему звонку, и эта его радость меня вдохновила.

И вдруг неожиданный разворот. На очередной комсомольской конференции, она должна была состояться в октябре, я должен сдать свои полномочия и передать документы вновь избранному секретарю комитета комсомола академии.

Дела я всё равно сдам, но уезжать мне придётся не в Краснодарский край, а в Смольный, где расположился Ленинградский обком комсомола. Высказывать возражение и своё несогласие первому секретарю обкома комсомола Вадиму Аркадьевичу Саюшеву было неудобно. И тем не менее, в беседе с заведующим орготделом, я высказал своё нежелание

относительно работы в обкоме комсомола, так как это ставит крест на моей работе по специальности. Такое откровение моим будущим начальникам не понравилось. И разговор со мной был окончен жёсткой фразой: «Решение принято и пересмотру не подлежит. В понедельник вы приступаете к работе».

Этот комсомольский чиновник мне не понравился. Он даже не постарался меня переубедить, что, бесспорно, сделал бы Саюшев. В итоге в положенный день я не вышел на работу. Это был мой протест. Вместо этого я занялся оформлением документов в связи со своим отъездом в Тихорецкий лесхоз, что я собирался сделать сразу после защиты диплома. Через три дня раздался звонок из обкома, звонил всё тот же заведующий отделом.

– Вы что себе позволяете? – Он даже не поинтересовался причиной моего отсутствия на работе. – Завтра в 9:30 вас вызывают на заседание секретариата обкома.

Я понял – на этом мой бунт закончился. Дальнейшее сопротивление бесполезно. Мордовать меня высокий комсомольский чиновник не стал, а может, не рискнул. Я уже был членом обкома комсомола и стал достаточно известным в комсомольской среде.

Я приехал на заседание секретариата. Мне устроили выволочку. Я всё это стерпел, хотя очень хотелось ответить, но из двух зол выбирают наименьшее. Упёртое молчание лучше громкого скандала. Я пришёл в студенческий отдел, занял

отведённое мне рабочее место: стол, кресло и телефон.

Горчаков, заведующий отделом, вернулся с заседания секретариата и тотчас вызвал меня к себе.

И его первые слова: «Расскажи мне, что произошло» были настолько искренними, что бурлящая во мне ярость мгновенно сошла на «нет». Мой рассказ был недолгим, но обстоятельным. Горчаков меня понял. В заключение он обнял меня за плечи и сказал: «Ты молодец. Начинай работать, материалы на твоём столе. Изучи их, а затем изложи своё видение решения возникающих проблем. У тебя неплохой опыт институтского лидерства. Значит, непонятных для тебя проблем попросту не существует. Начинай. У тебя всё впереди».

Вот так я очутился на нескончаемой тропе, именуемой политикой. Она то устремлялась вверх, то внезапно уходила вниз, затем снова вверх, и ты порой не понимаешь того, что зависишь в этом пространстве.

Оказавшись на новом месте, привычной в таких случаях неудобности я не чувствовал, хотя непрояснённая относительно будущего была. Студенческая жизнь имела свой рисунок, и комсомол в вузах был неким энергетическим ресурсом: проведение фестивалей, научных конференций, работа в период каникул, работа на ударных стройках. В мои обязанности входило создание кадрового ресурса и его обучение комсомольской работе.

Все выступления секретарей обкома комсомола на вузовских комсомольских конференциях готовил я – такова была

устоявшаяся норма. Иногда это была некая сумма материалов, но, как правило, само выступление от «а» до «я», а уже сам оратор вносил необходимые ему изменения.

Никакой похожести в выступлениях не было. Это скоро все поняли и оценили. Столь специфические обязанности заставляли полнообъемно знать и понимать, что происходит в каждом институте. При всей «изумительности» подобных обязанностей, они заставляли тебя думать и постоянно находиться в состоянии творчества. А ввиду того, что я отвечал и за кадровую политику, со всеми будущими и настоящими секретарями комитетов комсомола я находился в постоянном контакте. Я этого даже не заметил, но так получилось: за три месяца Горчаков сделал меня своим заместителем. Никаких официальных изменений не было, а по сути – это случилось. И вдруг в этой сложившейся модели взаимоотношений стали появляться непредвиденные ситуации.

Предстояла предвыборная конференция в Ленинградском университете. Естественно, туда должен был поехать первый секретарь обкома комсомола Вадим Саюшев.

Я готовил концепцию его выступления, и вдруг, за два дня до конференции, Саюшев вызывает меня и сообщает, что в силу непредвиденных обстоятельств он на конференцию поехать не может, поэтому поеду я. Я сначала в буквальном смысле этого слова онемел.

– Как же так, Вадим Аркадьевич? Вы – первый секретарь обкома и в университете ждут вас, и вдруг появляется ка-

кой-то инструктор. Это же университет – ему положены амбиции.

В ответ Саюшев засмеялся:

– У тебя образная речь, Олег, и это хорошо. Ну, во-первых, не инструктор, а заместитель заведующего отделом.

– То есть?.. – едва ли не заикаясь, произнес я.

– Да-да, сегодня я подписал соответствующее решение.

– Но, Вадим Аркадьевич, это же университет.

– Вот и прекрасно, будь это техникум, я бы тебя не послал. Тезисы, которые ты подготовил, впечатляют. Воспользуйся ими. Так что удачи тебе, товарищ Попцов. И ни с кем не обсуждай этого, понял? Вот выступишь – тогда и отведёшь душу. А пока готовься, впереди у тебя целый день.

Ну, я, разумеется, поехал и выступил. Реакция зала, не рискну употреблять сверхэпитеты, была доброжелательной. Все свои выступления я выполнил в импровизационном стиле. Проще говоря, мое выступление и его манера залу понравились.

Жизнь шла своим чередом, Саюшев ещё дважды использовал меня в качестве своего дублёра в политехническом институте и моей собственной академии. Если честно, я воспринял это как некий каприз начальства, но я ошибался. Это был не каприз, а эксперимент. Где-то спустя две недели позвонила секретарша Саюшева и сообщила, что в одиннадцать часов Вадим Аркадьевич просил зайти к нему. Подобные приглашения были в саюшевской манере, и какого-ли-

бо беспокойства по этому поводу я не испытал. На всякий случай захватил материалы по научной конференции, где предполагалось выступление Саюшева, и поднялся на третий этаж. В положенное время секретарша распахнула передо мной дверь саюшевского кабинета.

– Познакомьтесь, – произнёс Саюшев, указав на сидящего в кресле посетителя, – оргинструктор ЦК ВЛКСМ Соловьёв Виктор Петрович. А это, – добавил Саюшев, кивнув в мою сторону, – заместитель заведующего студенческого отдела – Олег Попцов.

– Завтра ты выезжаешь в Москву, – заметил Саюшев. – Предстоит твоя встреча с первым секретарём ЦК ВЛКСМ Сергеем Павловичем Павловым. В этой поездке тебя будет сопровождать Виктор Петрович.

– А что случилось? – не скрывая охватившего меня беспокойства, спросил я.

– Ничего особенного, – ответил Саюшев, – Сергей Павлович хочет познакомиться с тобой.

Следующий вопрос, заданный мной, был нелепым, но естественным:

– Зачем?

Соловьёв, наблюдавший за мной несколько отстранённо, развернулся в кресле и посмотрел на меня в упор.

– Это вопрос не к нам, товарищ Попцов, а к Сергею Павловичу.

В поезде мы говорили в основном о ленинградских ин-

ститутах. Цель моей поездки Соловьёв не раскрыл. Какая надобность была Павлову знакомиться с инструктором областного комитета комсомола? Это так и осталось для меня непрояснённым.

В ЦК ВЛКСМ я оказался утром. Соловьёв меня сразу провёл к заведующему орготделом ЦК ВЛКСМ. Сначала в кабинет заведующего зашёл он. Я подождал 20 минут, затем пригласили меня. Общее знакомство, пожатие рук и всё. Как ни странно, Соловьёва в кабинете уже не было. Наверное, есть запасной выход, подумал я, но это уже не имело никакого значения. Заведующий со мной практически не беседовал. Скорее всего, Соловьёв дал исчерпывающую информацию.

– Ну что ж, пойдём, – сказал заведующий.

Мы вошли в лифт. Заведующий нажал кнопку 4 этажа. Лифт остановился, но заведующий не дал раскрыться дверям и тотчас нажал кнопку первого этажа. Мы, не останавливаясь, спустились вниз. Эту процедуру заведующий орготделом повторил четыре раза. И на мой недоумевающий вопрос: «Что происходит?» заорготделом ответил: «Я отдыхаю».

Затем, видимо, время отдыха кончилось, и на четвёртом этаже лифт остановился. Мы прошли небольшой холл и вошли в кабинет первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Кабинет был просторным. Впоследствии я этот кабинет посещал не один раз.

Но тогда это случилось впервые и стало для меня событием жизни. Каких-то особых деталей не запомнил. На сте-

не два портрета – Ленина и Хрущёва, паркетный пол и кресла, не стулья, а именно кресла. В кабинете помимо Павлова оказался Логинов, бывший секретарь Ленинградского обкома комсомола. Павлов внимательно посмотрел на меня и задал вопрос:

– Товарищ Попцов, почему секретари райкомов комсомола непопулярны в институтских комсомольских организациях?

– Всё очень просто, Сергей Павлович, – ответил я.

– То есть? – озадаченно уточнил Павлов.

– У секретарей комитетов комсомола в институтах, как правило, есть высшее образование, а у секретарей райкомов, особенно вторых, очень часто его нет.

– Ерунда какая-то, – отреагировал Павлов.

И вот тут я совершил очевидный промах. Я ответил Павлову:

– Сергей Павлович, если вы даже десять раз повторите, что это ерунда, сказанное не перестанет быть правдой.

Лицо Павлова на какой-то миг напряглось, он встал и не произнёс ответную фразу, а буквально отчеканил её:

– Ну что ж, уважаемый товарищ Попцов, за вас ваша молодость, но против вас – ваша дерзость. До свидания.

Я почувствовал, как Логинов жмёт мне на ногу, но было уже поздно. Я встал и вышел из кабинета первого секретаря ЦК ВЛКСМ. В холле меня ждал Соловьёв.

– Ну как? – спросил он.

– Никак, – ответил я, – провалился.

На этом сюжете можно было поставить точку и не рассказывать о моих переживаниях, что я подвёл Саюшева, который меня, скорее всего, рекомендовал, но не получилось. Только вот в качестве кого, куда – так и осталось для меня событием непрояснённым.

Как сказал Соловьёв на прощание, когда я возвращался в Ленинград: «Перестань каяться. У тебя ещё всё впереди. Не получилось сегодня, получится завтра».

Когда я появился на следующий день в Смольном и открыл дверь саюшевского кабинета, Вадим Андреевич уже всё знал. Ему позвонил Логинов и поделился впечатлениями об увиденном и услышанном. Саюшев не стал меня отчитывать. Сказал всего две фразы:

– Анализ ситуации был точен. Дополнительные комментарии излишни. Олег, с тобой не соскучишься, иди работай.

– Я подвёл вас, простите. Но вы меня ни о чём не предупредили, так тоже нельзя.

В ответ Саюшев искренне рассмеялся:

– О чём предупреждать, зная твой характер? Нет, дорогой. На ошибках учатся, но для этого эту ошибку надо совершить самому. Ты это сделал, а теперь учись.

Был самый разгар предвыборной кампании, комсомольские конференции в институтах шли потоком, одна за другой. Работы по горло. Прошло, я точно не помню, но где-то около двух недель.

Я сижу на колокольне. Обком комсомола размещался в Смольницком соборе. Винтовая лестница, а там уютная комната на 12 квадратных метров. Кругом полки забиты книгами и папками с необходимыми материалами, стол посерединке и по всем стенам окна с видом на собор. Собрание в институте завтра, так что время есть.

Неожиданно слышу скрип винтовой лестницы, кто-то поднимается. Вижу – инструктор Коля из студенческого отдела.

У Коли улыбка на лице:

– Олег, тебя вызывает Иван Васильевич Спиридонов.

– Кто? – переспрашиваю с плохо скрываемым недоумением.

Коля продолжает улыбаться и повторяет:

– Иван Васильевич Спиридонов.

А это не кто-нибудь, а первый секретарь обкома партии.

Вообще-то у нас в отделе я был автором всех розыгрышей. И улыбка на Колином лице как бы подтолкнула меня в ту сторону. Ну конечно же, розыгрыш, подумал я.

– Гуляй, – ответил я Коле. – А Хрущёв Никита Сергеевич не звонил?

– Нет, я серьёзно, Олег, – уточнил Коля, сохраняя всю ту же дурацкую улыбку на лице.

– Я же сказал: вали отсюда, юморист.

Коля ушёл. Я вернулся к папке с материалами о театральном институте. Через пять минут появляется новый посла-

нец. И слова те же, и улыбка похожая. Говорю уже с раздражением:

– Хватит уже, могли что-нибудь пооригинальнее придумать.

– Нет, – посланец говорит, чуть заикаясь, – это серьёзно.

Ладно, думаю, что они там затевают? Разберусь и выдам по полной. Опять скрип лестничной спирали, и появляется Ким Иванов, первый секретарь горкома, человек значимой упитанности весом в 110 кг. Поднимается с одышкой. Увидел меня сидящим за столом. Воспроизвести сказанное невозможно.

– Ты что, охренел? – Дальше неформатная лексика. – Мы с Саюшевым у Спиридонова сидим, тебя ждём, а ты тут выпендриваешься, разыгрываешь...

Даже без каких-либо объясняющих слов я буквально слетел по винтовой лестнице вниз, останавливаясь на миг перед зеркалом поправить галстук. По главному обкомовскому километровому коридору, тому самому, в котором был убит С. М. Киров, помчался так, что не шёл, а бежал. Секретарь в приёмной первого секретаря обкома партии, увидев меня, не удивилась, а только покачала головой. Затем подошла к двери и открыла её, пропуская меня в кабинет.

Картина в какой-то степени повторяла обстановку в кабинете С. П. Павлова. За главным столом сидел первый секретарь обкома партии Спиридонов, а напротив, в придвинутом к столу кресле, Вадим Аркадьевич Саюшев. Увидев меня, он

опустил руку под стол и погрозил мне сжатым кулаком. Я понимал всю абсурдность случившегося. И моя реакция выдавала растерянность – так как виновником возникших обстоятельств был только я.

Спиридонов, слегка раскачиваясь в председательском кресле, как мне показалось, разглядывал меня не то с плохо скрытым сочувствием, не то с сожалением.

– Заставляете себя ждать, молодой человек! – произнёс он.

– Прошу меня извинить, Иван Васильевич, но я думал, что это розыгрыш, – с трудом сдерживая волнение, выпалил я.

Лицо Саюшева буквально окаменело.

– О, вы ещё занимаетесь розыгрышами, – не скрывая иронии, заметил Спиридонов.

– Извините Иван Васильевич, это моя вина.

– Да уж, конечно, ваша. Ладно, с розыгрышами разберётесь потом. А сейчас, товарищ Попцов, выслушайте меня внимательно. Через два часа состоится пленум обкома комсомола, на котором будет рассматриваться вопрос о вашем избрании секретарём обкома.

– Но, Иван Васильевич, это невозможно. Я недавно был вызван в ЦК ВЛКСМ для встречи с Сергеем Павловичем Павловым. Она была неудачной. Говоря проще, я не понравился Павлову.

Кресло Спиридонова прекратило раскачиваться, и он с

внезапной жёсткостью произнёс:

– Товарищ Попцов, кому быть секретарём Ленинградского обкома комсомола – решает не ЦК ВЛКСМ, и даже не первый секретарь ЦК ВЛКСМ, уважаемый товарищ Павлов. Это решение принимает Ленинградский обком партии. Вам всё ясно?

– Ясно, Иван Васильевич.

– Вот и прекрасно. Через два часа состоится пленум. Подготовьтесь.

О пленуме обкома комсомола я знал. На повестке заседания значился один вопрос – о формировании студенческих строительных отрядов для участия на ударных стройках. Соответствующие материалы к пленуму студенческий отдел обкома комсомола подготовил. К сообщению по этому вопросу должен был выступить секретарь обкома комсомола Борис Фирсов. Никаких оргвопросов в повестке не значилось.

Пленум состоялся. Оргвопрос, вынесенный на обсуждение пленума, явился неожиданностью для всех присутствующих. И вместо положенных 20 минут, отведённых для обсуждения этой темы, было потрачено 1 час 55 минут. Вопрос: почему? Ответ: потому. Я был слишком молод, мне было чуть больше 23 лет. И это вызвало отрицательную реакцию у многих участников пленума. У меня ещё не было значимой комсомольской биографии, а если она и была, то замыкалась границами институтского мира. По сути это бы-

ла плохо скрытая зависть – почему, на каких основаниях избираем этого пацана? Какие у него заслуги? Секретари райкомов комсомола тоже недоумевали: откуда он взялся и с какой стати делать его секретарём обкома комсомола, минуя райкомовский ранг? Моё выступление – а оно тоже было – не столько убедило, сколько разозлило этих людей. Я высказал своё мнение, по какому пути должен идти комсомол. Спокойно, без эпатажа. Я сказал одну фразу: «Комсомол обязан помочь молодому человеку найти себя и этим доказать свою нужность времени». Но именно эта фраза расколола единство в рядах критикующих меня. Произошёл, я бы сказал, социальный раскол. Лесотехническая академия, в которой я учился и работал, находилась на территории Выборгского района, района промышленного. Рабочий класс, раздражённый нападкамии на меня со стороны комсомольской районной номенклатуры и интеллигенции, перешёл в атаку. Их поддержала Невская сторона, Кировский и Путиловский заводы и несколько вузов, на комсомольской конференции которых я выступал. Короче, никакого единогласия не вышло. Я был избран большинством.

После пленума первый секретарь обкома комсомола Саюшев, пожимая руку в знак поздравления, заметил: «Не переживай. Всё нормально. Ты держался молодцом. И это главное. Перелом в настроениях случился, и ты выиграл, Поздравляю. Это только начало, Олег. Через 8 месяцев – областная конференция, там тоже будут выборы. Всё в твоих

руках. Покажи, на что ты способен».

Здесь правомерно поставить точку. Вхождение в мир политики свершилось. Конечно же, через те самые 8 месяцев прошла отчётно-выборная областная конференция комсомола, на которой я присутствовал уже в качестве секретаря обкома комсомола и среди избранных секретарей обкома получил наибольшее количество голосов против – не критическое, но заметное. Точно не помню, но, кажется, 30 голосов против – это было платой за мой внезапный взлёт.

Интересная деталь: на конференции первым меня представлял секретарь Сергей Павлович Павлов, и его реакция на происходящее вокруг меня была нестандартной. Выборы нового состава бюро обкома комсомола начинаются обычно с выборов первого секретаря обкома комсомола, затем состав секретариата и уже затем – членов бюро. Павлов начинает заседание неожиданным предложением: «Предлагается избрать секретарём обкома комсомола и членом бюро Олега Максимовича Попцова. Кто – за? Кто – против? Единогласно». Затем избирают всех остальных. На этот раз весь состав единогласно.

Я помню, как, вернувшись домой, сел перед зеркалом и клятвенно произнёс: «Я должен расти не вверх, а вниз». Это были правомерные мысли и разумные слова. Не подскакивать вверх, желая быть замеченным, а опуститься на землю, как говорится, рыть её и познать всё, что значимо для меня на этой земле.

По распределению обязанностей внутри секретариата мне поручили руководство областью из 27 районов. Внутренняя территория и знаковые районные центры: г. Луга и г. Тихвин, Приозерск, Ладожское поле, Выборг, Пушкино. Проблема села – ключевая. Область обеспечивает город молоком, мясом, овощами. Естественно, не полностью, но в объёмах значительных. Так что предстояло разобраться во многом. А у меня, как у профессионального инженера лесного хозяйства, – а, по сути, лесничего, – отгорожения от деревни не было, и именно эта частность на переломе исторических событий, когда Хрущёв разделил областные комитеты партии на промышленные и сельские, предопределила в недалёком будущем моё избрание первым секретарём Ленинградского сельского обкома комсомола. Именно тогда судьба подарила мне две встречи с Никитой Сергеевичем Хрущёвым. Это случилось в Лужниках.

К тому времени воплотилась ещё одна идея Хрущёва о конкретизации политического управления страной. Создание сельских партийных структур и промышленных. Появились сельские и промышленные райкомы и обкомы партии. Тогда Хрущёв и собрал в Лужниках весь сельский Северо-Запад. Всю науку, занимающуюся проблемами земли, растениеводства, животноводства, руководителей хозяйств-производителей с/х-продукции. И, естественно, вновь образованные сельские партийные власти. Я вместе с первым секретарём Ленинградского сельского обкома

партии Козловым сидел в четвёртом ряду.

Как известно, хрущёвский волюнтаризм породил некий всплеск хамского поведения первых лиц в обкомах партии, копирующих манеру Хрущёва. Он постоянно обрывал выступающих, начинал их нелестно критиковать, а точнее – разносить, ни в коей мере не сдерживая себя. То же самое повторилось и в Лужниках. И когда в момент выступления директора Ленинградского института растениеводства началась такая же хрущёвская вакханалия, директору института, академику, стало плохо. Он схватился за трибуну. Возмущённый происходящим, я сорвался с места. Меня успел схватить за руку секретарь обкома Козлов и, наклонившись ко мне, нервно прошептал: «Остановись, Олег! Возьми себя в руки! Да, ты прав, это хамство. Но на трибуне – генеральный секретарь ЦК КПСС. Ты представляешь, что будет со всеми нами за твой протест? Сиди спокойно, не обращай на себя внимание».

Двое охранников помогли директору института сойти с трибуны и увели его за кулисы. Вдох всего зала был похож на шелест.

Оглядываясь на своё прошлое, я понимаю: удержав меня от публичной реакции на поведение Хрущёва, спасли не только меня, но и областной комитет партии, на который бы сверхэмоциональный генеральный секретарь непременно обрушил бы свой гнев. Хрущёву приписывают много изъяснов. Но лучше всего о нём сказал замечательный российский

писатель и мой друг Виктор Петрович Астафьев: «Человек он, конечно, хороший, но культурёшки ему не хватает».

Таких срывов у Хрущёва было множество. Когда он в Манеже на художественной выставке орал на художников, поэтов, выражая таким образом несогласие с их творчеством, в котором ничего не понимал. И это – тот самый человек, который подарил советской интеллигенции так называемую оттепель, отделившую мир культуры от жёсткой эпохи беспощадности сталинского времени. Произошло некое перерождение культа личности Сталина в эпоху волюнтаризма Хрущёва. Всё так, всё справедливо. И, тем не менее, партийные функционеры высшей категории не простили ему, что он посягнул на их обогащение, роскошные дачи, машины, льготные земельные участки. Хрущёв рубил сплеча, а этого высокое руководство панически боялось, и приходилось каждому ждать своей очереди.

В силу своего характера он наделал достаточно глупостей – и с Крымом, передав его Украине, как шубу с барского плеча. Он возглавлял в своё время ЦК партии Украины. После своего ухода с этого поста на правах барина решил подарить Украине русский полуостров Крым, ни с кем не посоветовавшись, не спросив мнения России, будто её тогда и не было. Она была и называлась тогда РСФСР. Но, что правда, тогда это была одна страна, Советский Союз. А полуостров Крым из одного кармана перекочевал в другой, только и всего. Но нелепости не кончились. Страна лишилась Порт-Артура, ко-

торый был отдан Китаю, и полуострова Портккала-Удд, который также был отдан Хрущёвым Финляндии. Такая необъяснимая раздача была совершена. Хрущёв был противоречивой фигурой, но значимой по своей внутренней сути. Он был реформатором. И, мне кажется, ещё тогда, когда вершилась моя комсомольская биография, понимание этого ко мне пришло.

Хрущёв много внимания уделял проблемам развития сельского хозяйства. Я, будучи первым секретарем Ленинградского сельского обкома комсомола, это понял. Я побывал в Америке в качестве руководителя делегации ЦК ВЛКСМ спустя 8 месяцев после известной поездки туда Н. С. Хрущёва и встречи его с Джоном Кеннеди. Исторически это обозначено как Карибский кризис и его последствия. Я же прилетел в Америку в страшный день. Мы вышли из самолета, и в аэропорту по радио объявили, что только что совершено покушение на президента США Джона Кеннеди. Он убит. В те времена хрущёвской оттепели поездки были достаточно долгими. Наша продолжалась двадцать один день. Цель поездки – укрепление дружественных отношений с Америкой, что стало возможным после известного визита в США Хрущёва и его переговоров с Джоном Кеннеди, которые пресекли возможность атомной войны между нашими странами.

Я сразу почувствовал, что эта поездка не может быть из ряда похожих. Атмосфера в Штатах была накалена, и ощу-

щение паники охватило страну. И тогда у меня возникла идея попросить у американских коллег, которые обслуживали нашу поездку, если возможно, организовать мою встречу с помощником Роберта Кеннеди, брата погибшего президента. Удивительным образом она была организована через два дня.

При встрече я высказал наше соболезнование в связи с происшедшей трагедией, гибелью президента Америки. Разговор в целом был очень располагающим, но главная неожиданность меня ожидала в конце. Я не помню имени этого человека, происшедшее случилось слишком давно, но вдруг мой высокоранговый собеседник произносит фразу совершенно для меня ошеломительную: «Господин Попцов, с вами хотел бы побеседовать г-н Роберт Кеннеди». Я буквально замер, приходя в себя, но, естественно, согласился. Разговор продолжался не более тридцати минут.

Я спросил Роберта Кеннеди: «Кто убил президента Америки?». Тот ответил туманно: «Идёт расследование». – «Но какие-то предположения есть?» – «Предположений много, – ответил Кеннеди, – но в данный момент идёт расследование». И тут я решился на дерзость:

– А мне кажется, я знаю, кто это мог сделать.

– Вот как? – Роберт Кеннеди вскинул голову и посмотрел на меня с нескрываемым любопытством. – Ну и кто же?

– Даллес, – ответил я.

В то время я уже интересовался политикой. Почему я так

поступил, не знаю, но это была совершенно искренняя реакция на случившуюся драму. Добавлю, что Джон Кеннеди был достаточно популярен в СССР. Роберт Кеннеди меня услышал. Но ответил сверхдипломатично: «Предположение и истина – вещи разные. Подождём результатов расследования». До сих пор мне не верится, что всё было именно так. Спустя несколько лет Роберт Кеннеди тоже был убит. Я ни на минуту не сомневаюсь, что как первое, так и второе убийство было совершено по указаниям одного и того же человека, и имя его – Даллес. Это была месть Даллеса Джону Кеннеди за устранение его от должности. А Роберт был устранен по этой же причине. Стань он президентом, а он уже выдвинул свою кандидатуру и, бесспорно, одержал бы победу на выборах, он неминуемо отомстил бы Даллесу за убийство брата.

Но вернёмся к теме Никиты Сергеевича Хрущёва. Хрущёв, отринувший культ личности как проявление зла, сам не понимал того, что породил его продолжение, но в иной форме – волюнтаризма, и тем самым стал сам его ярким проявлением. Волюнтаризм, как эпидемия, стал мгновенно распространяться в среде партийного руководства страны. Буквально все первые секретари обкомов, ЦК республик подражали стилю Хрущёва. И эти, хотя и взрывные в своём проявлении, частности определяли политическую атмосферу того времени.

В Ленинграде поведение первого секретаря обкома партии Василия Сергеевича Толстикова было очевидным под-

тверждением этой похожести. Легче всего было бы списать её на излишнюю эмоциональность, которая, конечно же, была, но безнаказанность злоупотребления последней породила, по сути, хамство как норму поведения политического руководства. В период оттепели подобные трансформации в поведении лидеров напоминали раскаты грома.

Я пережил это на себе и не единожды оказывался в зоне раскатов подобного грома. Но как бы там ни было, Хрущёв вошёл в историю не этими запоминающимися эпизодами, а содержательной частью его серьёзных управленческих реформ. И, пожалуй, самой весомой реформой управления страной стало создание территориальных совнархозов как центров экономического развития страны. В то время премьером страны был Алексей Николаевич Косыгин, бесспорно историческая и, наверное, наиболее значимая фигура в руководстве. Эпоха совнархозов обозначена в истории как эпоха косыгинских реформ.

Хрущёв и Косыгин отчасти скопировали модель развития Германии, где каждая земля была локальным эпицентром развития в том или ином направлении – автопрома, станкостроения, кораблестроения, авиастроения, развития химической промышленности и т. д. Германией в те года руководил канцлер Эрхард, а время его правления потом назовут периодом экономического чуда.

На управление нашими совнархозами были направлены лучшие кадры и Совета министров страны. Правоммерно за-

метить, что темпы экономического развития СССР в этот период лишь на 2,2 % уступали темпам развития Германии в момент её экономического чуда. Хрущёв практически положил начало модернизации сельского хозяйства страны. Его поездка в Америку оказалась весьма в этом отношении значимой. Он привёз из Америки не только кукурузу, но и идеи модернизации животноводства. Но сначала – о кукурузе. Внедрение кукурузы в сельскохозяйственном производстве встретило отчаянное сопротивление со стороны консервативного блока управленцев в северо-западных хозяйствах.

Чуть позже, после отставки, Хрущёва станут высмеивать, так как кукурузу – а она, конечно же, южная культура, – следуя указаниям высшего партийного руководства, сеяли везде, и в Архангельской области в том числе. Так вот в северных областях – никакого зерна и початков молочно-восковой спелости кукуруза не давала, а площади, отведённые под её посевы, были громадными. Это и стало причиной необъективной критики. Почему необъективной? Потому, что местное руководство не оценило одной особенности кукурузы: учитывая, что в северных широтах продолжительность светового дня значительно выше, чем в южных, кукуруза давала не зерно, а громадную зелёную массу. Это обстоятельство позволило решить практически полностью главнейшую для молочного животноводства проблему сочных кормов. Я был в ту пору первым секретарём Ленинградского сельского обкома комсомола, и в режиме ударных комсомольских стро-

ек мы создавали силосные хранилища во всех колхозах и совхозах области. Именно тогда в обиход вошло слово «силос». Вторым подарком из Америки было появление на наших фермах американской карусели как символа модернизации животноводства.

Раньше главной инновацией дойки коров была так называемая «ёлочка», куда заводили коров и доили вручную. Это можно было назвать полумеханизацией процесса – коровы выстраивались, и доярки по коридору, расположенному ниже, поочередно переходили от одной коровы к другой. Карусель же подразумевала переход на механическую дойку. По существу, эту технологию можно было бы назвать революцией в животноводстве. Изобрели карусель в Америке военные специалисты, которые были откомандированы из американского ВПК указом президента Америки с задачей модернизировать сельскохозяйственное производство в стране.

И ещё одна деталь, которую я отнёс бы к собственным открытиям. Мне казалось, что я разгадал и понял Хрущёва: нюанс – именно после поездки в Америку в Советском Союзе провели реформу партийной системы. Она преподносилась Хрущёвым как приближение партийного руководства страны к конкретике повседневной жизни. К ней было приурочено создание сельских и промышленных обкомов партии. Хрущёв, я бы сказал, был помешан на этой идее, переводя научно-исследовательские институты, занимающиеся проблемами растениеводства и животноводства, в сель-

скую местность. Такую передислокацию устраивали и в городах, когда профильные институты переводились в зону крупных промышленных городов и районов. Отчасти подобные перестановки имели право на обоснованность, но лишь отчасти. Но смысл разделения «монолита» партии заключался в другом. Побывав в Америке, Хрущёв, как я полагаю, заразился идеей двухпартийной системы «демократы и республиканцы», поочерёдно находившиеся у власти. Нечто подобное он хотел сотворить в Советском Союзе – Коммунистическая партия рабочего класса и Коммунистическая партия крестьянства. Нужна была и депутатская структура, и партийная, которые сконцентрируют своё внимание на проблемах развития села, сельского хозяйства и будут отстаивать их интересы на высших этажах власти. Возможно, моё предположение больше сродни мифу. Но я уверен, что нечто подобное в мыслях Хрущёва витало. Некая модель двухпартийной коммунистической системы.

Я уже упоминал, что изменения эти случились после поездки Хрущёва в США. После ухода Хрущёва в отставку воплощение идеи сошло на нет – партийная структура вновь стала единой. Равно как и косыгинские реформы относительно совнархозов. Они так и не стали «паровозами развития» и перестали существовать. Началась длительная эпоха брежневского поэтапного застоя.

Всякая политика, как и лидеры, творящие её, всегда суммарны. Оценка их деятельности только в негативных тонах

ошибочна, как и только в положительных. Моё политическое прошлое, как и всякое прошлое, было школой жизни. В те далёкие времена я впервые оказался в сфере большой политики. Я довольно часто выезжал за рубеж – когда в составе делегаций, а иногда и возглавлял их.

В мою пору комсомол был на пике своей политической значимости. Этому способствовали и ударные стройки, БАМ, целина, и Всемирные фестивали молодёжи.

Упрямая биография

Сейчас, спустя много лет разглядывая карту Европы, я вдруг понял кое-что про те далёкие, но запоминающиеся годы. Теперь, когда мне за 80 лет, ясно осознал, что более 50 лет из них я прожил в государстве, которое называлось Советский Союз. Исключаем из них детство и юность – остаётся чуть более тридцати лет. За эти годы я побывал во всех без исключения странах Старого Света, плюс к этому – в Америке, Мексике, Кубе и Канаде. Где-то – в составе партийных делегаций, где-то – в составе делегации ЦК ВЛКСМ в качестве руководителя. Посмотришь на карту – и осознаёшь, что жизнь получилась интересной, а благодаря политике, которую постигал, – ещё и многомерной, сложной. Я видел, как строилась Берлинская стена, был свидетелем событий в Чехословакии и Венгрии. В Америке мы оказались в день и час совершения покушения на Джона Кеннеди. И как итог, хочется сказать: даже не верится, что это была моя жизнь!

Комсомол – это часть моей личной биографии, и часть очень важная. Хотя во временном исчислении это усреднённая цифра – чуть более 6 лет. Но их хватило на то, чтобы перевести стрелки на дороге моей жизни. Используя терминологию моей первой профессии, обозначим эту веху термином лесного хозяйства – «я вышел из леса», но другой дорогой и в другой мир. И имя ему – политика.

– Попцов у тебя?

Я сидел напротив.

– Нет, – ответил Павлов. – А что случилось?

– Ничего особенного. В связи с реорганизацией обкома и возвращения прежнего состояния единого обкома партии мы решили его перевести на партийную работу. Ему был сделан ряд предложений, и он отказался.

– Ну, Василий Сергеевич, ничего страшного, бывает.

– Ах, бывает... Ты знаешь, что он ответил?

– Нет.

– Ну так послушай! «Я пойду работать туда, где мои интересы пересекутся с интересами партии. В этом случае я буду наиболее полезен для партии». Ничего... Кого он из себя корчит? Вот такого сукина сына ты вырастил, товарищ Павлов.

– Василий Сергеевич, ваше беспокойство излишне. Мы уже наметили перевод товарища Попцова по тем же причинам в аппарат ЦК ВЛКСМ.

– Как в аппарат? А почему он нам об этом ничего не сказал?

– Потому что ничего не знал. Это решение было принято три дня тому назад.

– И на какую должность?

– Пока не определили, но, видимо, заместителем заведующего отделом.

– Ну и слава богу. В таком кресле по крайней мере не зазвездится.

На прощание ещё несколько матерных слов в мой адрес, и на этом разговор закончился. Павлов положил трубку и, посмотрев на меня, со вздохом произнёс:

– М-да, ничего не изменилось. Попцов, твой язык тебя не до Киева, а до тюрьмы доведёт. Ты понял?

– Понял.

– Ну и что нам теперь делать? Когда мы четыре месяца тому назад предложили тебе возглавить отдел сельской молодёжи, ты отказался, стал выпендриваться: «не хочу превращаться в чиновника».

– Но вы же сказали – заместитель заведующего отделом?

– Это я сказал, чтобы охладить Толстикова. Ты что, не слышал, как он орал? Ставить первого секретаря Ленинградского обкома комсомола на пост заместителя заведующего отделом – это попросту недопустимо. Да и фамилия этого человека – Олег Попцов, член ЦК ВЛКСМ – на слуху, заметная личность в комсомольском мире страны.

Вот так завершилась моя ленинградская комсомольская биография.

В итоге я стал первым заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ по вопросам СМИ. У ЦК ВЛКСМ было много своих изданий: журнал «Молодой коммунист», литературный журнал «Молодая гвардия», журналы «Смена», «Сельская молодёжь», «Техника молодёжи», журнал

«Пионер» и газета «Пионерская правда». Ну и, конечно, «Комсомольская правда» издательства «Молодая гвардия», на базе которого печаталось большинство названных журналов миллионными тиражами. Я уже не говорю о республиканских областных и краевых комсомольских изданиях. Бесспорно, это был мощнейший идеологический ресурс, которым располагал комсомол, и этим ресурсом надо было управлять, так что проблем было сверхдостаточно.

Помню, на одной из первых планёрок я произнёс фразу: «Надо не разрешать или запрещать, а надо учить работать». Фраза понравилась моим коллегам, и, как говорят в таких случаях, «процесс пошёл». Я по натуре был выдумщиком, и поэтому контакт с редакторами сложился практически сразу. Это было проблемой редакторского корпуса: они чувствовали себя начальниками, но им не хватало идей, замыслов.

Хрущёвские времена были временами своеобразными, как и сам Хрущёв, породивший их. Бесспорно, это было время определённого личностного раскрепощения по сравнению с предшествующим диктаторным сталинским управлением страной. И в комсомоле это проявилось более выразительно. Появлялись такие новые инициативы, как форма и стиль выполнения решений партии, освоение целины, создание студенческих ударных отрядов, стройки и чуть позже – БАМ!

Именно в это время мы сотворили идею – премия Ленин-

ского комсомола, своего рода высшая награда ЦК ВЛКСМ. Она присваивалась за достижения в различных сферах деятельности и мгновенно стала едва ли не самой популярной премией в стране. Потом появилась комиссия по выдвижению кандидатов, но вначале ничего этого не было.

Приближался очередной съезд комсомола, времени в обрез, и первых лауреатов было доверено выдвинуть секретариату ЦК ВЛКСМ и авторам самой идеи, премии Ленинского комсомола. По-моему, Александру Пахмутову и Николаю Добронравову назвал Валерий Ганичев, возглавлявший в ту пору отдел пропаганды и агитации, или это сделал сам первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов с подачи Ганичева. Я предложил кандидатуру Донатоса Баниониса, сыгравшего главную роль в замечательном фильме «Никто не хотел умирать». Ещё среди первых лауреатов был сравнительно молодой доктор наук, фамилии точно не помню. Помню другую значимую личность: его очередное открытие сделало его академиком буквально через несколько месяцев.

Очень скоро мы поняли, что не ошиблись в выборе первых лауреатов. Их нарастающая популярность придала премии очевидную значимость, как и желание её завоевать. Ныне ничего этого уже давно нет. Нет комсомола или его подобия, которое как воздух необходимо сегодня нашему обществу, когда стоит жёсткий вопрос: как вернуть в значимую общественную жизнь потерянное поколение молодых, которое могло бы и должно стать генератором идей модернизации.

ции отечественной промышленности, сельского хозяйства, науки и новой индустриализации страны.

Жизнь всякого человека имеет тройственное измерение: прошлое, настоящее и будущее. Последний этап – как завершающая часть жизни и возможность заглянуть во время, которое уже не принадлежит тебе и ты можешь заявить свои права на него только в виде своих сравнений, предложений и проницательности.

«Вразуми, Господи, их не совершить ошибок, мной совершённых. Ничто не унижает и разоряет более, чем ошибки собственные, и не ищи вину за беду, во власти которой оказался, в окружающих тебя, в их злом умысле. Сосредоточься на осознании вины собственной. Потому как она и есть главная беда всех бед». Потребность в такой исповеди есть у каждого. Но сделаем ещё одну историческую ремарку.

Решение Политбюро об отстранении Хрущёва от обязанности генерального секретаря КПСС случилось в 1964 году. Случившемуся событию, назовём его переворотом, давались разные оценки. Не вступая в полемику, выскажу своё мнение в ту пору первого секретаря Ленинградского обкома комсомола. Хрущёв был нестандартной и противоречивой личностью. Его спонтанные решения были достаточно ошеломляющими для партийного окружения и столь же неожиданными. И наряду с их правомерностью случалось и много ошибок, и, как мне кажется, его врождённое упрямство лишало его способности их признавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.